

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра русской и зарубежной литературы

**Границы реальности в романе М.А.Булгакова «Театральный
роман (Записки покойника)»**

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

Студентки 5 курса 511 группы
направления подготовки 45.03.01 – Филология
Института филологии и журналистики

Мальцевой Ксении Игоревны

Научный руководитель

доцент

должность, уч. степень, уч. звание

подпись, дата

Е.Г. Трубецкова

инициалы, фамилия

Зав. кафедрой

зав.кафедрой, к.ф.н., доцент

должность, уч. степень, уч. звание

подпись, дата

Ю.Н. Борисов

инициалы, фамилия

Саратов 2025

Михаил Афанасьевич Булгаков – признанный классик мировой литературы. Его произведения пользуются популярностью не только на родине, но и во всем мире. Основная литературная деятельность писателя протекала в 1920-е – 1930-е годы, когда было создано большинство текстов. Среди них 4 романа, 12 пьес, большое количество повестей и рассказов. Многие из произведений так и не дошли до печати при жизни автора, изымались из репертуара театров.

Серьезная театральная работа Михаила Афанасьевича началась во МХАТ. Связь творчества Михаила Булгакова с Театром и отражение ее в прозе писателя изучена достаточно глубоко.

В монографии «Жизнеописание Михаила Булгакова» Мариэтта Чудакова подробно анализирует «Театральный роман (Записки покойника)», подчеркивая его автобиографическую основу и связь с драматическим опытом писателя во МХАТе. Она отмечает, что роман стал для Булгакова способом «отрефлексировать травму сотрудничества с театром», где цензура, бесконечные правки и конфликты с режиссёрами (К.С. Станиславским и В.И. Немировичем-Данченко) подавляли его творческую свободу. Чудакова детально сопоставляет эпизоды романа с реальными событиями: например, сцены редактирования пьесы «Чёрный снег» Максудовым почти дословно воспроизводят замечания, которые Булгаков получал во время работы над «Мольером».

В научной литературе утвердилась трактовка «Театрального романа» как художественного манифеста, в котором личный опыт Булгакова трансформируется в многогранную притчу о противостоянии творческой индивидуальности и системы. Исследования демонстрируют, как текст балансирует между автодокументальностью и обобщением, сатирой и метафизикой, что позволяет рассматривать его не только как ключ к биографии автора, но и как актуальное высказывание о природе творчества в условиях внешнего давления.

Цель квалификационной работы заключается в исследовании специфики отражения и преобразования реальности театральной и литературной жизни Москвы 1920-х–1930-х годов в романе М. А. Булгакова.

Для решения поставленной цели было необходимо выполнение следующих **задач**:

- проанализировать особенности и средства создания образов героев, имеющих реальные прототипы;
- выявить функции художественной «деформации» реальности в романе;
- рассмотреть средства создания подтекста, описав систему образов-предсказаний;
- проанализировать особенности композиции романа.

Во **Введении** дается краткий обзор, посвященный проблематике избранной темы, содержится формулировка целей и задач исследования.

В квалификационной работе мы сочетаем историко-литературный и семиотический подходы к анализу материала.

Квалификационная работа состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников.

Глава 1. Специфика композиции романа содержит анализ композиционных особенностей «Театрального романа» М.А. Булгакова, выявляется сложная многоуровневая структура произведения, где прием обрамления «от издателя» создает эффект двойной мистификации, одновременно скрывая и подчеркивая автобиографическую основу повествования. Работы М.О. Чудаковой¹, В. И. Немцева², А.М. Смелянского³,

¹ Чудакова, М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд., доп. / М.О. Чудакова. М.: Книга, 1988.

² Немцев, В.И. Михаил Булгаков: становление романиста / В.И. Немцев. Саратов: Саратовский университет [СГУ], 1991.

³ Смелянский, А. М. Михаил Булгаков в Художественном театре / вст. ст. О. Н. Ефремова. 2-е изд., перераб. и доп. / А.М. Смелянский. М.: Искусство, 1989.

Л.М. Яновской⁴, Б.В. Соколова⁵, А.С. Аванесовой⁶, А.А. Чугаева⁷, теоретические выводы которых были важны для нас при анализе композиции «Театрального романа».

Система «текста в тексте» позволяет Булгакову выстроить несколько взаимодействующих художественных реальностей, в которых личный опыт писателя трансформируется в универсальное высказывание о судьбе художника. Центральный конфликт между творческой индивидуальностью и тоталитарной системой воплощается через противопоставление органичного процесса создания романа Максудовым и механистической переработки его в пьесу «Черный снег», что пародирует реальные методы работы МХАТа 1930-х годов.

Сатирическое изображение театральной системы с ее абсурдными требованиями и цензурными правками раскрывает трагедию художника, вынужденного идти на компромиссы с собственной совестью. Открытый финал произведения, где Максудов исчезает, не завершив повествование, становится не только формальным приемом, но и важнейшим смыслообразующим элементом, символизирующим сопротивление тотальному контролю над творчеством.

Тема творчества разрабатывается Булгаковым на нескольких уровнях: как мучительный процесс преодоления абсурда внешнего мира, как работа памяти, выступающей инструментом мифотворчества, и как экзистенциальный кризис, выраженный через метафору «исчезновения в тексте».

⁴ Яновская, Л. М. Творческий путь Михаила Булгакова / Л.М. Яновская. М.: Советский писатель, 1983.

⁵ Соколов, Б.В. Булгаковская энциклопедия / Б.В. Соколов. М.: Локид; Миф, 1997.

⁶ Аванесова, А.С. Пространственные модели в «Театральном романе» М.А. Булгакова: автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А.С. Аванесова; Волгоград, 2008.

⁷ Чугаев, А. А. Сегментация пространства в «Записках покойника» М. А. Булгакова / А.А. Чугаев // Известия Саратовского университета. Сер. Социология, политология, 2009. Вып. 4. Т. 9.

Художественные приемы гротеска, иронии и метатекстуальности позволяют автору сохранить дистанцию между личным опытом и художественным обобщением, создавая универсальную притчу о судьбе художника в условиях тоталитарной системы.

Композиция романа служит не только структурной основой, но и важнейшим средством выражения авторской позиции, раскрывая через сложное взаимодействие автобиографического, сатирического и метафизического планов главную идею произведения – трагедию творческой личности, чей талант оказывается разрушен механизмами идеологического контроля.

Глава 2. Реальность и вымысел в создании образов героев включает в себя 2 параграфа.

Параграф 2.1. Булгаков как прототип Максудова содержит анализ связи писателя с alter ego автора, который воплощает трагедию художника, чьи идеалы разбиваются о бюрократический механизм «храма искусства».

Независимый театр – микромодель советского общества. Персонажи вроде Ликоспастова, лицемерно называющего себя «другом» Максудова, или Поликсены Торопецкой, посредника между Аристархом Платоновичем и труппой, олицетворяют механизмы социальной мимикрии. Даже портреты в фойе театра, где Нерон соседствует с осветителем, подчёркивают абсурд уравнивания гения и посредственности. Булгаков показывает, как система создаёт иллюзию выбора: Аристарх Платонович, управляющий театром из Индии, формально разрешает актёру «играть как угодно», но лишь после одобрения секретарши.

Самоубийство Максудова – не просто финал личной драмы, но символ краха, что подтверждается логикой развития сюжета и ключевыми мотивами романа. Стремление героя к творческой свободе сталкивается с механизмами театральной системы, где даже «Независимый театр» оказывается пространством тотального компромисса: бесконечные правки пьесы («Чёрный

снег»), диктат режиссёра (Ивана Васильевича) и подмена художественной целостности конъюнктурными требованиями.

Сергей Максудов является автобиографическим героем, в котором отразился личный опыт, мировоззрение и душевные терзания Михаила Булгакова. Однако важно помнить, что Максудов – это не точная копия автора, а художественно измененный образ, созданный с помощью сатиры, гротеска и других художественных приемов. Изучение связи Булгакова и Максудова позволяет глубже понять смысл и значение «Театрального романа (Записки покойника)», а также оценить мастерство писателя в создании сложных и многогранных образов.

Параграф 2.2. Прототипы второстепенных персонажей романа содержит краткий анализ личного опыта автора, его конфликтов с МХАТом и прототипов второстепенных образов произведения.

Анализ прототипов в «Театральном романе» М.А. Булгакова демонстрирует, как личный опыт автора, его конфликты с МХАТом и наблюдения за театральной средой трансформируются в универсальную сатиру на механизмы власти в искусстве. Максудов воплощает трагедию художника, чьи идеалы сталкиваются с бюрократической машиной. Его путь от надежды к самоубийству – не просто отражение судьбы самого Булгакова, но и метафора кризиса творчества в условиях тоталитарной системы, где искусство подменяется ритуалом, а индивидуальность подавляется.

Образы Ивана Васильевича и Аристарха Платоновича, передающие особенности характеров К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко, раскрывают двойственность театральной системы. Станиславский, представленный как харизматичный диктатор с «неласковыми глазами», символизирует противоречие между новаторскими методами и их догматизацией. Аристарх Платонович, «управляющий из Индии», становится аллегорией административного прагматизма, где коммерческий успех превалирует над художественной ценностью. Их конфликт в романе – в

первую очередь отсылка к историческим разногласиям, которые Булгаков наблюдал лично.

Второстепенные персонажи, такие как Поликсена Торопецкая (прототип – О.С. Бокшанская) или эксцентричная актриса Пряхина, дополняют картину театрального абсурда. Через гротескные детали (бриллианты, этюды с «пожаром») Булгаков обнажает лицемерие и мимирию, присущие советской интеллигенции. Даже эпизодические фигуры вроде режиссёра Стрижа или актёра Патрикеева служат элементами мозаики, изображающей систему, где талант вынужден бороться с посредственностью, а искренность – с цинизмом.

Исследование прототипов подтверждает, что «Театральный роман» – не просто автобиография, но глобальное завуалированное рассуждение о невозможности искусства в условиях идеологического диктата. Булгаков, используя гиперболу, иронию и интертекстуальность, превращает конкретные реалии МХАТа в универсальные символы. Даже самоубийство Максудова – не финал личной драмы, а акт экзистенциального бунта, предвосхищающий философию абсурда Камю.

Вторая глава раскрывает, как Булгаков, преломляя реальность через призму сатиры, создаёт произведение, где театр становится метафорой тоталитарного общества, а прототипы – инструментом критики не только конкретных лиц, но и всей системы, превращающей творчество в механистический процесс. Это позволяет рассматривать «Театральный роман» не только как памятник литературной полемики, но и как пророчество о судьбе художника в эпоху, где «пламенная любовь к искусству» изображается через велосипед, а гений приравнивается к осветителю.

Глава 3. Средства создания подтекста: система образов-предсказаний включает 2 параграфа.

Параграф 3.1. Природные стихии и образы животных содержит краткий анализ символов, образов животных и природных стихий, создающие атмосферу роковой предопределённости.

Гроза и дождь сопровождают ключевые моменты жизни Максудова, отражая его душевные метания и предвещая фатальные перемены, тогда как вьюга и снег создают меланхоличную атмосферу творческого поиска. Поведение котов становится мистическим предзнаменованием, подчёркивая абсурдность и трагизм происходящего. Таким образом, через эти образы Булгаков раскрывает сложную диалектику судьбы, где внешние явления становятся проекцией внутренних катастроф героя.

Параграф 3.2. Трагические предзнаменования и мистицизм в романе содержит анализ системы предсказаний в «Театральном романе» М.А. Булгакова.

Рассматривается система предсказаний, которая представляет собой анализ не только пророчеств, но и выявление различных намеков, предзнаменований, формирующие внутреннюю логику сюжета и судьбы героев произведения. Предсказания в данном произведении носят, как правило, иронический, сатирический или трагический характер.

Мистицизм в романе не является основным элементом, он используется автором для создания определенной атмосферы, раскрытия авторской позиции, иронического переосмысления и для создания более трагического характера произведения.

В «Театральном романе» («Записках покойника») М.А. Булгаков выстраивает сложную систему образов-предсказаний, формирующих подтекст и задающих трагическую тональность повествования. Природные стихии, мистические знаки, болезненные мотивы и ироничные аллюзии сливаются в единую символическую структуру, предвосхищающую крах творческих надежд Максудова.

Гроза, дождь, вьюга и снег выполняют в романе двойственную функцию. С одной стороны, они отражают душевное смятение героя, с другой

– становятся метафизическими маркерами судьбы. Если в «Мастере и Маргарите» гроза однозначно связана с катастрофой, то здесь её смысл амбивалентен: она сопровождает как моменты отчаяния, так и творческие озарения. Вьюга и снег, напротив, создают меланхоличную атмосферу, отсылая к мотивам одиночества и ностальгии, как в «Белой гвардии».

Коты в романе – не просто эпизодические образы, а мистические проводники, чувствующие приближение беды. Их поведение (взволнованное мяуканье, паника) предвещает гибель – как литературного замысла Максудова, так и его самого. Кинжал, отвергнутый Иваном Васильевичем в пользу револьвера, становится зловещим символом: его повторяющиеся упоминания намекают на неизбежность трагического финала.

Физические и психические недуги героев (меланхолия Максудова, насморк Ивана Васильевича, мнимая саркома Герасима Николаевича) метафоризируют «болезнь» искусства в условиях системы, где творчество подменяется симуляцией. Похоронная символика (венки, поминальные блины, отпевальный тон чтения) усиливает ощущение обречённости, превращая театральную среду в пространство ритуального умирания таланта.

Мистические элементы в романе – от «оживающих» портретов до демонических аллюзий (Гавриил Степанович как Вельзевул, цитаты из «Фауста») – служат не только для создания тревожной атмосферы, но и для разоблачения абсурда театрального мира. Ирония Булгакова проявляется в двойственности названий («Театральный роман» vs. «Записки покойника»), в пародийных образах режиссёров, в абсурдности репетиций «Чёрного снега», где искусство подменяется бессмысленными ритуалами.

Предсказания в романе носят не только мистический, но и социально-сатирический характер. Максудов, пытаясь вписаться в систему, сталкивается с её необратимым лицемерием. Его исчезновение в финале – не просто трагический итог, но и акт сопротивления: как и Булгаков, он отказывается от капитуляции, оставляя текст «незавершённым» – а значит, свободным.

Таким образом, система образов-предсказаний в «Театральном романе» работает как механизм трагической иронии: герой с самого начала обречён, но его гибель – не поражение, а последний жест независимости. Булгаков показывает, что в мире, где искусство становится ритуалом, а творцы – «покойниками», единственной формой победы остаётся сама возможность недоговорённости.

В **Заключении** подводятся итоги работы. «Театральный роман (Записки покойника)» М. А. Булгакова представляет собой сложное художественное произведение, в котором переплетаются автобиографические мотивы, сатирическое изображение театральной среды и глубокие философские размышления о судьбе художника в условиях тоталитарной системы. Проведённое исследование позволило раскрыть специфику отражения и преобразования реальности в романе, выявить ключевые средства создания подтекста и проанализировать особенности композиции произведения.

Исследование композиции романа позволило выявить его сложную структуру, построенную на принципе «текста в тексте». Обрамление в виде «записок покойника», включение элементов автобиографизма и игра с жанровыми ожиданиями подчёркивают метатекстуальную природу произведения. Незавершённость романа, обрывающегося на главе «Удачная женитьба», воспринимается как символический жест – отказ от капитуляции перед системой, сохранение творческой свободы даже ценой исчезновения.

Таким образом, «Театральный роман» Булгакова – это не просто сатира на театральную среду, но и глубокое философское высказывание о природе искусства, власти и судьбе художника. Через автобиографический подтекст, гротеск и мистицизм автор создаёт универсальную притчу о конфликте творца и системы, остающуюся актуальной и в современном мире. Произведение становится своеобразным завещанием Булгакова, напоминающим о ценности творческой свободы и невозможности её полного уничтожения даже в условиях тотального контроля.

